

УДК 71.2:81.161.1

Якушкина Н.М.*Московский государственный областной университет***ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ И.И. КОЗЛОВА К ЧЛЕНАМ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ:
ДАНЬ ТРАДИЦИЯМ КЛАССИЦИЗМА
И ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению художественного своеобразия стихотворных эпистол русского поэта первой трети XIX века Ивана Ивановича Козлова (1779–1840), адресованных особам императорского дома. В ходе исследования обнаруживается их связь с жанром оды, который почти нивелировался в эпоху романтизма, уступив место посланию-восхвалению, впоследствии занявшему особое место в творческом наследии поэта. В его посланиях-восхвалениях можно увидеть характерные для оды черты: прославление адресата, элементы высокого книжного и песенного стиля, насыщенную метафоричность, высокую частотность градаций, тогда как дань романтизму связана со свободой поэтической формы изъяснения, глубоким лиризмом, особой лексикой, семантикой передачи человеческих чувств. Поэт наполняет послания к официальным лицам поэтическим переживанием радости и сердечного восторга, оставив в прошлом пафосный характер подобных обращений.

Ключевые слова: творчество И.И. Козлова, жанр послания коронованным особам, восхваление адресата, ода XVIII века, дань традициям.

N. Yakushkina*Moscow State Regional University***I. KOZLOV'S POETIC EPISTLE TO MEMBERS OF THE ROYAL FAMILY:
A TRIBUTE TO THE TRADITIONS OF CLASSICISM AND ROMANTIC POETICS**

Abstract. The article considers the artistic originality of Ivan Kozlov's (1779–1840) verse epistles, which addressed to members of the Imperial House. The study revealed the connection of the works to the genre of odes, which was almost leveled in the era of Romanticism, replaced by the Epistles-glorification. In his letters you can see the characteristic features for odes: praise to the recipient, elements of high and singing style, full of metaphors, high frequency of gradations. And tribute to Romanticism is associated with freedom of poetic forms of expression, deep lyricism, special vocabulary, semantics transmission of human feelings. The poet fills letters to officials with poetic experience of joy and a heart of delight, leaving behind the pathetic nature of such communications.

Key words: I. Kozlov's works, epistle to members of the Royal Family, praise of recipient, ode of 18th century, a tribute to traditions

Традиция слагать хвалебные и пре-
возносительные речи царственным

особам берёт своё начало ещё с антич-
ных времён. Песни, оды, лирические
стихотворения прославляли правите-

лей и героев Древней Греции. В русской литературе эту роль сначала исполняли «панегирики и вирши в честь знатных лиц» [7] (конец XVI в. – начало XVII в.), например, «привества» Симеона Полоцкого, позже, в эпоху классицизма, эта функция полностью была передана оде, пришедшей к нам из европейской литературы. Благодаря А.Д. Кантемиру, В.К. Третьяковскому, А.П. Сумарокову, а особенно М.В. Ломоносову, этот жанр утвердил свои позиции в русской поэзии. Однако к началу XIX века он потерял свою гегемонию, возможно, вследствие излишнего пафоса и слепого, искусственного подражания, наблюдаемого в некоторых текстах. Сокрушительный удар жанру нанесла сатира И.И. Дмитриева «Чужой толк» (1794), направленная против поэтов-одописцев, «пиндарящих» в своих вызывающих зевоту стихах ради «награды перстеньком, ста рублей иль дружества с князьком» [7]. На смену оде приходят послания коронованным особам. Они встречаются у В.А. Жуковского и И.И. Козлова. В поэтическом наследии последнего стихотворные эпистолы, адресованные членам царской семьи, можно встретить крайне редко, несмотря на то, что поэт относился к ним с особым почтением. Среди небольшого количества посланий-восхвалений в творчестве И.И. Козлова следует выделить вступление к поэме «Невеста Абидосская» (1826), посвящённой супруге Николая I – Александре Фёдоровне, и поэтическую эпистолу «Государю наследнику Александру Николаевичу в день его тезоименитства» (1834).

Поэма «Невеста Абидосская» (1826), которая, по мнению Н.А. Полевого, «явилась значительной новостью

в Русской Словесности» [5, с. 184], условно делится на две части: обращение к великой княгине Александре Фёдоровне и непосредственно перевод самой турецкой повести Дж. Байрона. Послание к императрице напрямую отсылает читателя к оде XVIII века, и, прежде всего, своим торжественным и прославляющим характером:

*Надежда и любовь полуночного края,
Народа древнего царица молодая,
О будь, хранимая Всевышнего рукой,
Блаженства русского прекрасною
звездой! <...>* [4, с. 330]

Несмотря на яркость эпитетов и необыкновенную образность приведённых сравнений, читатель почувствует здесь скорее радостное и прямодушное воспевание царской особы, нежели слепое раболепное преклонение перед ней. Признаваясь в собственной дерзости слагать стихи для самой государыни, И.И. Козлов, опираясь на традицию классицистов, демонстрирует описание необыкновенных достоинств великой княгини:

*Не сан блистательный, не почести
земные,
Но добродетели нетленные, святые
Пленяют дух певца. – Тебя всецелый
Бог
России подарил; ты радости залог
И чувств возвышенных пылающей
душою,
И сердца нежных дум небесной
чистотою <...>* [4, с. 330]

Используя традиционный для оды приём градации, И.И. Козлов употребляет эпитеты, отличающиеся особым лиризмом, соотносящиеся с возвышенными сердечными чувствами. Его поэтическое обращение к Императрице проникнуто душевной теплотой, что встретить в оде XVIII

века было почти невозможно. И хотя существуют предположения, что «поэма была посвящена императрице по совету Жуковского, который, возможно, рассчитывал на то, что Александра Фёдоровна, обучавшаяся у него русскому языку, возьмёт под своё покровительство слепого поэта, испытывавшего большие материальные затруднения» [4, с. 483], нельзя не отметить искренность и теплоту чувств, которыми наполнено всё произведение. Известно, что супруга Николая I по достоинству оценила труд «слепого музыканта» и в знак благодарности и своего расположения к стихотворцу пожаловала ему драгоценный перстень. В дневнике поэта от 23 сентября 1819 года сохранилась запись об этом событии: «Жуковский оставался у меня долго... Он мне сообщил, что Императрица пожаловала мне перстень» [1, с. 15]. В заметке от 24 сентября этого же года мы читаем: «Милый Жуковский привёз мне от имени Царствующей Государыни Императрицы бриллиантовый перстень за мою «Абидосскую невесту». Это – топаз, окружённый бриллиантами <...>». Поэт не скрывает своей благодарности за полученный подарок и гордости за высокую оценку его труда.

В послании отразилось отношение автора не только к великой княгине, но и ко всей царской семье. С особым почтением и верноподданническим чувством поэт говорит об императоре, отмечая, что первый день его царского служения «был днём бессмертной славы». Он понимает, что решение Николая I относительно восставших на Сенатской площади было единственно правильным: «спасением алтарей, России и Державы» [4, с. 332].

Сам образ царя как центрального столпа христианской державы был характерен для русской поэзии эпохи романтизма. Эта мысль находит своё отражение в творчестве и В.А. Жуковского, и М.Ю. Лермонтова, и К.Ф. Рылеева, который критерием героизма выбирает смерть «за царя и за Русь». Эти слова в устах Ивана Сусанина из одноимённой поэмы пронизаны «глубокой искренней верой и высоким чувством жертвенной любви» [3, с. 134]. И.И. Козлов также убеждённо декларирует величие и благоденствие державы, управляемой царём, и образ, приближающийся к идеалу правителя, поэт находит в действительности: Николай I в его восприятии не противоречит своему высокому назначению:

*Да Вышний осенит державу Николая,
И солнце вечное, вселенну обтекая,
Не узрит ничего счастливее, славней
Его высоких дел, твоих прекрасных
дней!* [4, с. 332]

Не забывает поэт и о другой особе императорского дома – наследнике Александре Николаевиче. Описывая материнское служение Великой Княгини, автор отмечает, что цесаревич – достойный сын своих родителей – его ум, талант и человеколюбие угадываются уже с раннего возраста:

*Пленителен, как ты, и пышно расцветая,
Усердных россиян надежда дорогая,
Порфирородный сын блистает пред тобой
На всё прекрасное готовую душой*
<...> [4, с. 331]

Мнение И.И. Козлова о цесаревиче Александре во многом сложилось под влиянием В.А. Жуковского, который на протяжении долгих лет был воспитателем наследника. Оба поэта воз-

лагали на Александра Николаевича большие надежды, надеялись видеть в нём будущего умного и талантливого политика, самодержца, способного любить свою страну и народ.

И.И. Козлов посвящает цесаревичу стихотворную эпистолу «Государю наследнику Александру Николаевичу в день его тезоименитства» (1834). Как видно из названия, поэтическое письмо было написано в день святого благоверного великого князя Александра Невского, на который и приходились именины Александра Николаевича – 30 августа (12 сентября по новому стилю). В своём послании И.И. Козлов призывает цесаревича следовать примеру своего святого:

*Надежда русского народа,
Звезда полнотной страны,
Потомок доблестного рода,
Под чьей державой свершены
Деянья славы! – В день блаженный,
В сей день их памяти святой,
Наш Невский, наш благословенный
Блестят, наследник, пред тобой
<...> [4, с. 251]*

Поэт хорошо знал, что святой Александр Невский был и небесным покровителем императора Александра I. Его брат, Николай I, своих четверых сыновей «назвал точно так же и в той же последовательности, как были названы и сыновья Павла I» [6]. Так Император духовно передал право своему первенцу стать продолжателем дел не только отца, но и дяди. И.И. Козлов при помощи ярких метафор подчёркивает патриотизм царственных Александров:

*И в их надзвёздной горней сени
Земную родину любя, –
Взгляни! – двух Александров тени
С небес взирают на тебя <...> [4, с. 252]*

Особенностью посланий к венценосным особам в эпоху русского романтизма является обязательное упоминание о подвиге славных предков. Эту традицию жанр послания наследует от оды XVIII века, ещё глубже – от древнерусской словесности. Подчёркивая славные подвиги предков, И.И. Козлов воссоздаёт характерную для того времени тенденцию: прошлое – залог хорошего, положительного будущего. В этом определённым образом отражается тип мышления человека XIX века, умеющего не только чтить память своих прародителей, но и учиться на их ошибках. На контрасте выступает образ современного человека, привыкшего жить скорее мыслями о том, что его может ожидать в будущем, планами реализации задуманных целей и воплощении в действительность своих сокровенных желаний.

Обращаясь к цесаревичу, поэт не может не сказать и об его отце Николае I, с момента восхождения на трон которого прошло почти десять лет (стихотворное послание датируется 1834 годом). И.И. Козлов вспоминает о том, как Николай вступил на престол («он ожил в брате нам державном <...>» [4, с. 253]), как руководил действиями национальной армии в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.. Поэт ценит, что при Николае I Россия приобрела новые земли, но более всего приветствует то, что монарх, ведя свой политический курс, сумел сохранить в себе лучшие человеческие качества:

*О! славен тот, кто в ратном поле
Мечом побед войну пресек, –
Но тот славней, кто на престоле
И мудрый царь, и человек,
Кто льёт щедротой дни золотые
И в сердце кто хранить возмог*

*Те добродетели святые,
Который образом сам Бог!* <...> [4,
с. 253]

Автор явно выражает свою симпатию к Николаю I, видит в нём триединое гармоничное сочетание справедливого монарха, доблестного военкомандующего и «священного семьянина» [4, с. 253]. Такое сердечное отношение поэта к особам императорского дома обусловлено особенностями его патриотического чувства, связанного с осознанием «глубокой укоренности» любви к родине «в самой человеческой природе» [2, с. 144] и с узрением в императоре заместителя Бога на земле.

Особенностью посланий И.И. Козлова к монаршим особам является удивительное чувство радости, которое пробуждается в душе поэта при обращении к царской семье. Читатель видит его и в «Невесте Абидосской» (1826), и в поэтической эпистоле «Государю наследнику Александру Николаевичу в день его тезоименитства» (1834), и в других произведениях, в которых поэт упоминает ярких представителей династии Романовых. Читатель невольно удивляется тому искреннему восторгу, с которым автор говорит об императоре и его близких. Здесь нет места слепому раболепию, дежурным комплиментам и искусственной лести. Только радость и восторг от возможности быть причастным к Царской Семье:

*И я, колени преклоняя,
Я чувства родины делю,
За венценосца Николая
Всех благ подателя молю;
И за царицу, нашу радость,
Любовь его бесценных дней,
И за твою святую младость –*

Весны и радуги ясней. <...> [4, с. 253]

Поэт признаётся, что искренне просит творца о сохранении и благословении Государя, его семьи и всей Державы Российской:

*Творец всего, услышь моление!
Храни и царство, и царя,
Надеждам дай благословенье!*

О! с нами Бог!.. ура, ура! <...> [4, с. 254]

Посвящать произведения коронованным особам было традицией, бравшей своё начало ещё с древности. В русской литературе особенно ярко это проявилось в эпоху классицизма. Для восхваления монархов поэты выбирали жанр оды, используемый во времена античности в качестве определённой формы стихотворной лирики, предназначенной сопровождать музыкальные произведения. Так в отечественной традиции ода закрепила за собой статус основного жанра *воспевания* особо значимых персон, подтверждением чего может служить знаменитая ломоносовская «Ода на день восшествия на престол Её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года» (1748) и державинская «Фелица» (1782). В эпоху романтизма жанр оды практически нивелировался. Отдельные его черты и мотивы перенял и вобрал в себя жанр послания, в частности, послание-восхваление адресата, впоследствии занявший особое место в творческом наследии И.И. Козлова.

В поэтических посланиях И.И. Козлова, посвящённых царской семье, можно увидеть характерные для оды черты: восхваление адресата, элементы высокого книжного и песенного стиля, обращение в тексте к другим лицам, в том числе и к собственной персоне. Но, в отличие от традиционной оды в

послании И.И. Козлова силён личный чувствительный элемент. Здесь наблюдается менее торжественный тон изложения и более проникновенный, с выражением личного отношения к герою характер произведения. Ни один из поэтов не писал о венценосной семье с такой искренней радостью и восторгом, теплотой и сердечностью. Невзирая ни на какие обстоятельства, он остался верным своему царю и своему Отечеству, утвердив в русской литературе ещё одну форму удивительно радостного и сердечного патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грот К.Я. Дневник И.И. Козлова. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1906. – 33 с.
2. Киселева И.А. О своеобразии патриотизма в русской поэзии 1830-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 3. – С. 140-144.
3. Киселева И.А., Гузина С.В. Духовно-нравственный идеал русской поэзии 1820-30 годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2010. № 3. – С.132-137.
4. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений; вступ. ст., подготовка текста и прим. И.Д. Гликмана. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 507 с.
5. Полевой Н.А. «Невеста Абидосская», турецкая повесть лорда Байрона, перевел с английского Иван Козлов // Московский телеграф. –1826. – Ч. 12. – № 23. – С. 182-196.
6. Пчелов Е.В. Династия Романовых: генеалогия и антропонимика [Электронный ресурс]. – URL: <http://shakko.wordpress.com/2014/01/03/e-в-пчелов-династия-романовых-генеалог/> (дата обращения: 02.05.2014 г.)
7. Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-2371.htm> (дата обращения: 16.06.2013 г.)